

Чу Илань, выслушав рассказ Чэнь Пина, поначалу не придавал значения его словам, решив, что Ли Сянь просто дуется. Он намеренно хотел проучить Ли Сяня за то, что тот проявил непокорность в ту ночь, и думал: если не сломить его сейчас, то когда еще? Отослав Чэнь Пина прочь, Чу Илань, однако, чем больше размышлял, тем сильнее тревожился, и у него даже пропало желание любезничать с красавицами. Отстранив от себя наложницу, он отправился искать Ли Сяня, но обнаружил, что того и след простыл.

Небо постепенно темнело, сердце Чу Иланя охватила паника, хотя он никак не мог поверить, что в тот момент, когда престол был почти в его руках, Ли Сянь мог уйти так легко и беззаботно. Он поспешно приказал своим людям прочесать все вокруг, и наконец стражники Южных ворот доложили, что император только что выехал из города в южном направлении.

То необъяснимое беспокойство, что возникло в сердце Чу Иланя, не отпускало его всю полуночную погоню.

Его конь мчался во весь опор, ветер со свистом проносился мимо ушей, окружающий пейзаж размывался в бешеном беге. Внезапно он вспомнил снеговика из своего детства. То был снежный зимний день, и лицо отца, слепившего для него того снеговика, давно стерлось из памяти. Он помнил лишь снеговика, который улыбался ему посреди бескрайней белой равнины, такого чистого и безупречного.

Но он не уберег того снеговика. Это была его игрушка, и он думал, что она вечно будет ждать его на том же месте — завтра, послезавтра, через день.

На следующее утро, стоило ему открыть дверь, как высоко поднявшееся солнце растопило то, что когда-то принадлежало ему: от вчерашнего снеговика не осталось и следа.

Сейчас он чувствовал себя в точности как тот ребенок, потерявший любимую игрушку. Этот единственный в мире Серебряный волк — ведь он принадлежал ему, это было сокровище, доставшееся ему ценой стольких усилий!

В порыве отчаяния он вдруг увидел вдалеке всадника. Знакомый силуэт, то самое тело, которое он бесчисленное множество раз сжимал в объятиях.

— А-Сянь, остановись! — крикнул он, хотя знал, что это бесполезно.

Всадник впереди не только не остановился, но, напротив, стеганул коня, прибавляя ходу. Чу Илань, несмотря на свое великолепное мастерство наездника, не мог нагнать его. Глядя, как расстояние между ними увеличивается, он в панике нащупал рукоять меча на поясе и, не задумываясь, выхватил его. Вложив всю свою внутреннюю энергию, он метнул клинок прямо в Ли Сяня.

— Господин, нельзя! — вскрикнул Чэнь Пин, пытаясь остановить его, но было поздно. Длинный меч прорезал воздух, сверкнул и в мгновение ока настиг Ли Сяня.

Услышав за спиной свист летящего оружия, Ли Сянь уже не успевал уклониться. В критический момент он лишь слегка развернулся, ощутив в спине острую боль. Опустив взгляд, он увидел, что клинок пронзил его насквозь! Ли Сянь открыл рот, но не успел издать ни звука, как хлынула кровь. Его тело на мгновение замерло, пальцы правой руки, сжимавшие поводья, разжались, и он камнем рухнул с коня на землю.

Глава 3

— А-Сянь! — только выпустив меч из рук, Чу Илань осознал, что совершил. Увидев, как Ли Сянь раненым падает с лошади, он в панике соскочил с седла и бросился к нему. Ли Сянь был бледен как полотно, из раны хлестала кровь. Чу Илань хотел вытащить клинок, но испугался, что тот, кто вынет его, лишь ускорит смерть, а если оставить всё как есть — спасения не будет. Чу Илань всегда был решительным человеком, но сейчас его руки дрожали, он не знал, как поступить, и колебался.

Мир Ли Сяня погрузился в кроваво-красные тона. Его угасающий взгляд медленно переводился с кровавой луны на лицо Чу Иланя. На этом лице, всегда таившем хитрость, теперь застыли две дорожки слез — единственное чистое белое пятно в мире, залитом темно-алым цветом.

Зачем ты плачешь? Зачем?

Эти холодные капли — обманчивый мираж на границе жизни и смерти или твои искренние слезы обо мне?

Одна слеза упала на лицо Ли Сяня, обжигая теплом.

Он хотел коснуться его печали, но рука дрожала и не слушалась. Внезапно он почувствовал тепло в ладонях — это Чу Илань крепко сжал его руки.

— Не уходи, А-Сянь, не оставляй меня. Этот мир все еще ждет, чтобы мы правили им вместе. Признаю, я обманывал тебя, у меня были дурные замыслы, но я начал любить тебя. Дай мне время, дай мне еще немного времени, и я всем сердцем полюблю тебя по-настоящему.

Чу Илань плакал, а Ли Сянь улыбался.

Я уже выбрался из трясины любви, а ты, пытавшийся затащить меня в нее, сам увяз в ней?

Какая ирония: хотел пленить мое сердце, а в итоге сковал свое собственное.

Ты недостаточно безжалостен. Я с самого начала это знал — ты ведь не убил своего единокровного брата Фэн-ди, ты использовал меня, чтобы спасти Ли Синьтянь, и ты пытался удержать меня.

Настоящий безжалостный здесь — я. Тот, кто навсегда оставляет тебя, впервые проливающего слезы.

— Отпусти меня...

— Нет!

— К чему это? Я люблю тебя, поэтому не хочу тебя ненавидеть.

— Я заберу тебя назад, вылечу твои раны, ты не умрешь.

Подул северный ветер, ночной воздух, полный мелкой пыли, рыдал о холоде и нежелании расставаться. Два голоса сплелись воедино, превращаясь в тончайшую нить, которая навсегда останется скованной в зимней пустыне.

Если бы не та встреча, возможно, я остался бы лишь одним из бесчисленных поваров в толпе, прожив свою жизнь в серой рутине. Неизбежность этого бренного мира и неизбежность встречи с тобой... Похоже, было предначертано, что я проживу с тобой короткую, но яркую жизнь, чтобы потом — разойтись. Лишившись простоты, мое сердце обрело свободу, но что это — счастье или несчастье?

Шумный ресторан «Инкелай», весенний день, порхающие ласточки — встреча с тобой кажется вчерашним днем. Сейчас мне стоит лишь закрыть глаза, и твой образ навсегда исчезнет из моего поля зрения. А ты как долго будешь горевать обо мне?

Ли Сянь безмятежно улыбнулся холодному ночному небу...

Ветер, проносящийся мимо ушей, словно рыдал. Он летел через пустыни, горы, ручьи и леса, чтобы возвестить поднебесной о смерти императора Сяня.

В исторических записях сказано: зимой 534 года династии Хун императорский наставник полностью уничтожил армию государства Хуэрчи и вошел в город Хуалян. Вскоре после этого император Сянь трагически погиб, упав с лошади.

Чу Илань отрешенно смотрел на сосну за окном. В это безжизненное время года она была единственным ярким пятном, гордо высящимся в пустоте. Ветер колыхал ее ветви, принося тонкий аромат, и в пустом сердце Чу Иланя медленно всплывала улыбка того человека — как всегда, мягкая и ясная.

Бессильная тоска металась внутри, не находя выхода, и лишь воспоминания журчали там, где когда-то было сердце.

Раздался легкий стук в дверь, и вошел настоятель Шаолиня мастер Линхуэй, чтобы попрощаться.

— Сегодня я веду монахов Шаолиня обратно в монастырь.

— Мастер, почему бы вам не остаться еще на день? Завтра... завтра день его погребения... — в носу защипало, и глаза заволокло туманом.

— Двенадцать лет назад, отрекшись от престола, император Сянь уже был свободен от мирской суеты. Его нынешнее возвращение было лишь ошибкой, и то, что он смог уйти столь достойно, — лишь повод для радости. Дух его ушел, а брэнная оболочка... есть ли разница, предадут ее земле или нет? — мастер Линхуэй сложил ладони и глубоко поклонился.

Чу Илань отвернулся: прожив всю жизнь в гордыне, он не желал, чтобы кто-то видел его слезы.

Он всегда считал, что ему подвластно всё, но, столкнувшись лицом к лицу с жизнью и смертью, понял, что перед гранью миров он так же бессилен. Жизнь человека — страсти, любовь, ненависть, интриги — все это лишь миг, пролетающий в одночасье.

Он сжал правую руку, но в ладони оказался лишь воздух. Лишь тогда он вспомнил, что они с А-Сянем даже не обменялись памятным подарком. Что осталось, кроме пустоты и утраты?

В его черных глазах впервые отразилась глубокая печаль. Обернувшись, он увидел на столе ярко сверкающий кусок древнего нефрита. Это была нефритовая печать, которую оставил Ли Сянь, судьба благополучия и процветания всего мира.

Когда зима закончилась, государство Хуэрчи отправило посольство с просьбой о мире, с того дня признав себя вассалом Срединного государства. Затем Чу Илань повел войска на юг, уничтожил три малых режима, основанных наследниками рода Ли, и взошел на престол, начав летоисчисление династии И и приняв тронное имя император Сян.

Чу Илань смотрел на разложенные на столе доклады, постукивая по дереву указательным пальцем. Доносящийся снаружи стрекот цикад делал душную летнюю полночь еще более невыносимой.

Цензор Чжан Цзин подал прошение об импичменте новым местным чиновникам, обвиняя их в грабежах и притеснении народа. А среди этих чиновников многие были теми самими полководцами, что когда-то сражались под началом Чу Иланя. В этот миг он вспомнил ту ночь в Шаолине, когда Ли Сянь говорил ему о трех трудностях начала войны. Третья трудность, о которой Ли Сянь тогда умолчал, теперь стала очевидной. Местных чиновников всегда отбирали через государственные экзамены, а могли ли справиться с этим эти люди из армии, не знавшие грамоты? Решить судьбу своих верных сподвижников было действительно тяжелой задачей.

Прошло полгода. Когда имя Ли Сяня всплывало в мыслях, прежняя острая боль притупилась, но воспоминания тянулись бесконечной нитью, одна за другой прокручивая картины прошлого.

Цветущие груши, словно снег, кружащиеся в воздухе; теплый ветер, подобный его улыбке — в тот сезон, когда порхали бабочки и благоухали цветы, он впервые встретил его, весенний ветер.

В полумраке дворца, под тусклым светом ламп, Чу Илань сидел неподвижно, отбрасывая длинную тень на белую стену. Пережили зиму, теперь на могиле А-Сяня, должно быть, зазеленела трава? Посаженные им цветы «Мо Сяоянь» распустились ли белыми, скромными бутонами, качаясь в ночном ветру и распространяя легкий аромат?

— А-Сянь, А-Сянь... — тихий голос, словно тот, кого он звал, был прямо напротив, но за спиной оставалась лишь одинокая тень.

Занимая высший престол и владея целым гаремом красавиц, имея все, о чем мог мечтать мужчина, Чу Илань, сам не зная почему, чувствовал в душе пустоту, будто потерял часть себя, которая теперь никогда не восполнится.

Он знал, что это за чувство — «любовь», которую он, такой тугодум, когда-то собственноручно разрушил. И теперь ни один искусный мастер не мог ее склеить — лишь время продолжало смывать следы тоски.

Его холодные, пронизательные глаза на мгновение стали нежными, теряясь в дрожащем свете лампы.

— Не смей называть его имя! С чего ты взял, что имеешь право произносить его после всего, что случилось!

В густых сумерках у угла дворца промелькнула фигура в зеленом, легко опустившись на землю. Холодный блеск, меч, сотканный из внутренней энергии, засверкал, как молния, под аккомпанемент громовых раскатов.

Это был Меч Грома Ли Сяня. Кроме Жо Лицзюня, давно ушедшего в отшельничество, в мире остался лишь один человек, которому Ли Сянь передал мастерство, — Ли Синьтянь.

Юноша, что всегда следовал за Ли Сянем, с развевающимися волосами и горящими алым глазами был воплощением ужасающей жажды убийства. Его сверкающий меч порождал бесчисленные блики, каждый удар был нацелен в жизненно важные точки Чу Иланя.

Полгода назад он три дня и три ночи прождал в постоялом дворе, лишь чтобы услышать невыносимое известие о смерти учителя. Горе, гнев и ледяное отчаяние захлестнули его.

— Если с тобой что-то случится, я... я...

— Если со мной что-то случится, ты не сможешь жить? Брось, оставь эти речи для того, чтобы дурачить женщин, тратить их на учителя — просто пустая трата времени.

Он вытащил меч, и когда Чэн Линся, решив, что тот собирается напасть, в панике попытался остановить его, лезвие Ли Синьтяня изменило траекторию и разрубило пополам столик из сандалового дерева.

С тех пор он остался в городке, где когда-то ждал Ли Сяня, усердно тренируясь. В этот раз он ждал лишь одного — момента отомстить за учителя.

Чу Илань применил свою технику движения, чтобы уклониться. Однако мастерство Ли Синьтяня значительно выросло, и в тот миг, когда Чу Илань замешкался, зацепившись за стул, клинок уже был у его груди!

Но в тот момент, когда кончик меча коснулся тела, что-то остановило его.

Защитный нагрудник! Лицо Ли Синьтяня изменилось: — Ты знал, что я приду сегодня?!

Пока он колебался, Чу Илань двумя пальцами намертво зажал лезвие и, вложив силу, сломал меч пополам. Он холодно усмехнулся: — Мальчишка, ты думал, что сможешь убить меня? Если бы не память о том, что ты ученик А-Сяня, я бы давно приказал страже схватить тебя. — Он слегка взмахнул левой рукой: — Выходи.

Из внутренней комнаты вышел человек и встал между ними. Ли Синьтянь оскалился: — Чэн Линся, опять ты! Это ты предупредил его!

— Да, — Чэн Линся боязливо втянул голову в плечи, но не сдвинулся с места. — Ты забыл письмо, которое оставил господин Ли? Он просил, если ты услышишь о его смерти, не мстить Чу Иланю. Это было его последнее пожелание, ты что, нарушишь его?

Ли Синьтянь прикусил губу. Было видно, что он разрывается между предсмертной волей учителя и жадой мести. Почему ты не позволил мне отомстить за тебя? Почему не дал убить этого подлеца, который посмел причинить тебе боль?

Лишь Чэн Линся, набравшийся смелости стоять здесь, знал: даже заранее предвидя, что не сможет спокойно покинуть Хуалян, Ли Сянь не хотел, чтобы кто-то причинил вред Чу Иланю. Искавший всю жизнь и жаждавший всю жизнь — лишь в самом конце Ли Сянь обрел счастье и любовь. Этот гениальный и непревзойденный человек порой бывал до смешного добрым и наивным. Ты исполнил свое желание, и теперь, когда ты на том свете, доволен ли ты?

Сжимая в руке обломок меча, Ли Синьтянь, готовый расплакаться, шмыгнул носом. Наконец,

он принял решение, достал из-за пазухи письмо и, тяжело вздохнув, бросил его на грудь Чу Иланю.

— Это он оставил для тебя, — слова прозвучали сквозь зубы.

Чу Илань быстро развернул послание, его руки слегка дрожали.

«Чу, когда ты прочтешь это, меня уже не будет в мире живых. Раз уж нам довелось узнать друг друга, прошу, вспомни о нашем прошлом и позаботься о Синьтяне. Передай ему, чтобы не печалился обо мне, а прилежно учился и стал великим человеком. Последнее письмо Ли Сяня».

Чу Илань опустил голову, его черные глаза скрылись под длинными ресницами, и в тени, отбрасываемой свечой, нельзя было разобрать выражения его лица.

Помолчав долгое время, он поднял голову и спросил: — Ты читал это письмо?

Ли Синьтянь слегка кивнул, его лицо было бледным.

В ясных глазах юноши Чу Илань увидел глубокое, искреннее чувство. Он невольно вспомнил последнюю безмятежную улыбку Ли Сяня — черные глаза, чистые, как снег, без единой ряби. Отпустив все земное, он, должно быть, стер из памяти и свой образ. Если бы в его сердце оставалась такая пронзительная любовь, он, возможно, не ушел бы от него столь решительно.

Юноша, который знал, что Ли Сянь мертв, но всё равно хранил его в сердце, и он сам, собственноручно разрубивший узы любви, а теперь тоскующий — и он сам, и Ли Синьтянь не обладали тем величием духа, что позволил Ли Сяню отринуть мир и отсесть привязанности мечом мудрости. Родство — поистине страшная вещь: даже спустя время они не могли забыть того, о ком думали, по ком тосковали и на кого надеялись. А Ли Сянь в тот день, когда усекал из Хуаляня, окончательно вычеркнул свою любовь из сердца, разбив все воспоминания.

— Возможно... только возможно, А-Сянь еще жив.

— Что? — в одно мгновение тело Ли Синьтяня вздрогнуло. — Но его могила...

— За день до похорон мастер Линхуэй приходил ко мне прощаться. После того как монахи ушли, тело А-Сяня бесследно исчезло. В той могиле были лишь его одежды. Но ведь он умер у меня на руках, разве может мертвый воскреснуть? Может, он просто не хотел быть погребенным там, где я приготовил, и при жизни попросил мастера Линхуэя забрать тело в случае чего. Но почему-то я чувствую, что он все еще жив. Даже если это невозможно, я верю, что он способен на это.

Ли Синьтянь бросил обломок меча и развернулся. Чэн Линся, стоявший ближе всех, схватил

его за рукав: — Подожди, куда ты?

— Еще спрашиваешь? Я иду искать учителя.

Чу Илань горько усмехнулся: — Я давно тайно разослал своих людей во все концы, но вестей нет. Мир так огромен, куда ты пойдешь в одиночку?

— Я обойду весь свет, но найду его. — Голос Ли Синьтяня звучал с непоколебимой решимостью, а в глазах юноши бесстрашно отражалась даль. Чэн Линся, обладавший тонкой интуицией, вдруг подумал, что обожание Ли Синьтянем учителя, возможно, уже давно переросло в нечто большее. Когда началось это превращение? Чэн Линся, конечно, не мог знать, но в глазах Ли Синьтяня он видел искренность и отсутствие сожалений.

— Я пойду с тобой.

— Зачем? Ты же ходячий топографический кретин.

— Пока я не узнаю, жив господин Ли или мертв, я не обрету покоя. — Чэн Линся повернулся к Чу Иланю: — А ты? Останешься здесь и продолжишь быть императором?

Лицо Чу Иланя помрачнело, а затем сменилось выражением боли.

— Не можешь отпустить? Или не хочешь?

— И то, и другое. — Чу Илань достал маленькую деревянную шкатулку, обернутую в фиолетовый шелк, и протянул ее Чэн Линся: — Если вы действительно найдете его, если он и правда жив, передайте это ему.

— Это...

— Противоядие от Пилюли Четвертого Месяца. Хотя А-Сянь принимал лекарство, подавляющее яд, у него был срок. Но я так и не дал ему этого. Сначала я думал, что если когда-нибудь он станет императором, смогу с помощью этого контролировать его, а оказалось... — голос Чу Иланя стих. Богатство, власть, слава — то, к чему люди стремятся всю жизнь, в глазах А-Сяня никогда ничего не стоили. Вся твоя жизнь — была ли она лишь ловушкой моей фальшивой нежности? Когда озеро твоего сердца вновь стало спокойным, ты заставил меня, самого хитрого в мире, увязнуть в тебе навсегда.

Когда силуэты Ли Синьтяня и Чэн Линся растворились в ночной мгле, лишь звезды холодно смотрели на его одиночество. В огромном дворце тяжелая тьма со всех сторон безмолвно давила на него.

Плывут облака, как тонкие нити, время течет, как вода.

На рассвете Ли Сянь сидел на берегу, прислушиваясь к шепоту океана. На горизонте, где небо сливалось с водой, взошло огненно-красное солнце, окрашивая облака и море в багрянец. Ветер нежно гладил шелковую гладь воды, белоснежная пена целовала золотой песок, разбиваясь о рифы и рассыпаясь мириадами капель, которые под солнцем сияли, словно жемчужины.

За три года он побывал во многих незнакомых местах. Пересекал полноводные реки, любовался прекрасными озерами, бродил по веселым ручьям, и наконец бескрайний океан захватил его взгляд, удержав его странствия.

Он поселился в маленьком городке на берегу, открыл небольшой ресторанчик, а каждое утро и вечер гулял по берегу в одиночестве, слушая песню волн и наблюдая, как резвится морская пена.

<http://bllate.org/book/21139/2144076>